два вѣка назадъ быть помѣщичьихъ крестьянъ былъ несравненно лучше быта другихъ податныхъ сословій, а въ позднѣйшее время не далѣе, какъ въ царствованіе Анны Іоанновны былъ указъ, разрѣшавшій всѣмъ сословіямъ, не исключая даже *духовнаго* приписываться къ крѣпостному состоянію, и что впослѣдствіи за множествомъ охотниковъ этотъ указъ былъ отмѣненъ. *Не такъ страшно порабощеніе* это, какъ иные называютъ его. По духу прежняго времени оно было естественнѣе, нежели теперь идея г. Карамзина отдавать свою собственность даромъ.

Въ заключеніе обращаюсь ко всѣмъ почтеннѣйшимъ членамъ комитета и *спрашиваю:* возможно ли считать даровою собственностью, какъ это дѣлаетъ Карамзинъ, дарованную правительствомъ въ видахъ государственной пользы, какъ имѣнія поссессіонныя или въ видахъ личной награды или за услуги предковъ? И особенно: можно ли назвать даровою собственностью переходящую по наслѣдству? Я полагаю, что даровая собственность есть доставшаяся по слѣпому случаю, напр. выигранная въ карты, или доставшаяся какимъ-либо случайнымъ образомъ. Употребляя усилія для улучшенія быта крестьянъ, мы должны избѣгать такихъ мѣръ, которыя могли бы поселить въ крестьянахъ идею безвозмезднаго захвата чужой собственности.

Студзинскій просилъ свое заявленіе занести въ комитетскіе журналы. Противъ занесенія высказался сторонникъ Карамзина Васьяновъ. Онъ даже сдѣлалъ во время словесныхъ пререканій такое замѣчаніе....

— Да, что сказано Карамзинымъ объ опекунахъ—совершенная правда. Вонъ въ рыльскомъ уѣздѣ—порядочныхъ найдется развѣ три-четыре человѣка.

Общіе споры повели къ тому, что засѣданіе комитета вице-предсѣдателемъ было закрыто.

Когда оно открылось въ слѣдующій разъ, то членъ комитета Изъѣдиновъ (сторонникъ Студзинскаго) просилъ слова.

Оно было дано ему.

Изъѣдиновъ произнесъ обширную, выслушанную со вниманіемъ рѣчь.

Г. Васьяновъ—замѣтилъ Изъѣдиновъ, находитъ, что мнѣніе Студзинскаго *неприлично* занести въ журналъ; потому что въ этомъ возраженіи онъ усматриваетъ личности.

Изъѣдиновъ не раздѣляетъ мнѣнія Васьянова. Онъ находитъ, что журналъ комитетскихъ засѣданій есть точное *историческое* выраженіе всѣхъ словъ, дѣйствій и мнѣній комитета, а потому если мнѣніе комитета помѣщено въ журналѣ, какъ свидѣтельство его воззрѣнія на предметъ, подлежащій нашему обсужденію, то и возраженіе Студзинскаго должно имѣть мѣсто въ журналѣ и быть поставлено въ параллель съ мнѣніемъ г. Карамзина, для того чтобы *послѣдующее поколѣніе* и люди посторонніе могли произнести безпристрастный приговоръ, кто изъ двухъ, писавшихъ членовъ имѣлъ болѣе точный и вѣрный взглядъ на обсуждаемый предметъ. Въ возраженіи Студзинскаго Изъѣдиновъ не видитъ никакой личности. Въ немъ имъ замѣчены только сильныя и мѣткія выраженія; но они вызваны рѣзкостью мнѣній Карамзина, относившихся къ цѣлому дворянскому сословію и касавшихся по преимуществу почтеннаго класса опекуновъ. Вмѣстѣ съ Студзинскимъ Изъѣдиновъ того мнѣнія, что опекуны, какими ихъ представляетъ въ своемъ мнѣніи Карамзинъ составляютъ исключеніе. Никакъ нельзя согласиться съ Васьяновымъ, что въ рыльскомъ уѣздѣ, гдѣ 60 дворянскихъ опекъ, только 4 опекуна люди благонадежные, а 56 неблагонадежныхъ, подходящихъ къ разряду тѣхъ, которые на опеку смотрятъ какъ на кормленіе. Изъѣдиновъ сомнѣвается въ справедливости такихъ статистическихъ данныхъ относительно опекуновъ рыльскаго уѣзда; но вмѣстѣ съ тѣмъ затрудняется и не вѣрить Васьянову; ибо ему, имѣющему честь быть предводителемъ дворянъ рыльскаго уѣзда и *лично назначающему опекуновъ* должно быть хорошо извѣстно состояніе опекъ и нравственность опекуновъ предводимаго имъ уѣзда. Остается пожалѣть о столь грустномъ положеніи сиротъ рыльскаго уѣзда и надѣяться, что съ переходомъ къ новому лучшему порядку вещей со всеобщимъ стремленіемъ къ образованію и рыльскаго уѣзда опекуны сдѣлаются болѣе благонадежными и съ тѣмъ вмѣстѣ улучшится участь малолѣтнихъ.

Вотъ въ какой лабиринтъ пререканій завелъ членовъ курскаго комитета вопросъ о выкупѣ усадебныхъ строеній!

Затѣмъ въ своей рѣчи Изъѣдиновъ проситъ членовъ комитета припомнить то обстоятельство, что когда Карамзинъ въ засѣданіи 5-го марта прочиталъ свое мнѣніе, чтеніе это произвело *всеобщее неудовольствіе* въ комитетѣ, выразившееся горячими словесными возраженіями. А въ слѣдующемъ засѣданіи Карамзинъ прочиталъ новое свое мнѣніе въ которомъ протестуя противъ излишней, по его словамъ, щекотливости нѣкоторыхъ членовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ старался доказать, что въ словахъ его небыло оскорбленія для помѣщиковъ. Далѣе же, разсуждая о правахъ каждаго члена выражать свои убѣжденія, Карамзинъ признаетъ право члена опровергнуть тѣ изъ нихъ, которыя признаются неправильными.

Изъѣдиновъ задается вопросомъ. Почему никто изъ членовъ комитета не возражалъ Студзинскому противъ прочитаннаго имъ мнѣнія? И *молчаніе* на этотъ разъ Карамзина, говоритъ Изъѣдиновъ, не доказываетъ ли внутренняго сознанія неосновательности его мнѣнія и справедливости представленныхъ Студзинскимъ опроверженій. Даже если бы въ словахъ Студзинскаго были такія выраженія, которыя Карамзинъ могъ принять на свой счетъ, то особенно неприличнаго здѣсь нѣтъ... Карамзинъ позволилъ себѣ употребить рѣзкія выраженія, относившіяся ко всему дворянскому сословію и въ особенности къ опекунамъ. Студзинскій, отстаивая опекуновъ и защищая дворянство, къ которому мы всѣ имѣемъ честь принадлежать, въ свою очередь употребилъ сильныя возраженія, соотвѣтствующія рѣзкимъ сужденіямъ Карамзина.

Неужели же позволительно *оскорблять* цѣлое сословіе?

По мнѣнію Изъѣдинова,—если кто-либо изъ членовъ комитета, увлекшись, впалъ въ ошибку въ воззрѣніи и другой членъ исправляетъ эту ошибку, представляя предметъ съ другой его стороны, то надобно быть ему искренно благодарнымъ; ибо только чрезъ разсмотрѣніе предмета со всѣхъ сторонъ можно судить о немъ правильно, и чрезъ столкновеніе разнородныхъ идей и мнѣній рождается истина, къ которой мы всѣ должны стремиться.

Примирительное заключеніе рѣчи Изъѣдинова было встрѣчено одобреніями членовъ комитета.

Анатолій Танковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Александровъ. Недавно въ Александровскомъ уѣздѣ былъ случай кроваваго самосуда при слѣдующихъ обстоятельствахъ: крестьяне села Мало-Михайловки обнаружили растрату общественныхъ денегъ въ количествѣ 1,500 руб. Чтобы получить ихъ обратно, деревенскій «кассирщикъ» былъ подвергнутъ самымъ утонченнымъ пыткамъ, во время которыхъ сознался, что деньги взяты имъ (въ чемъ, впрочемъ, никто не сомнѣвался, ибо печати и замокъ на сундукѣ были не повреждены) и отданы имъ на сохраненіе тестю, человѣку извѣстному во всемъ округѣ за отъявленнаго вора. Тогда толпа принялась за старика: его повалили на землю и стали наносить удары палками; но на этотъ разъ пытки не удались, ибо старикъ, не смотря на муки, упорно отвергалъ какое-бы то ни было участіе въ преступленіи зятя. Тогда удары участились и усилились до того, что вскорѣ передъ мучителями лежалъ бездыханный трупъ; но даже и смерть не остановила побоевъ. Интереснѣе всего, что мѣстный урядникъ хотѣлъ было прекратить это звѣрство, но самъ былъ радъ, что успѣлъ уйти отъ рукъ разъяренной толпы. Начато слѣдствіе и главные виновники въ дикомъ самосудѣ посажены подъ стражу. Когда судебный слѣдователь приступилъ чрезъ посредство врача къ судебно-медицинскому вскрытію трупа убитаго старика, то оказалось, по словамъ «Южн. Кр.», что на тѣлѣ нѣтъ ни одного не поврежденнаго мѣста, даже внутренности, какъ сердце, легкія и печень, носили на себѣ слѣды ударовъ.

Пребываніе Его Императорскаго Величества Государя Императора въ Берлинѣ.

Прибытіе Государя въ домъ Русскаго Посольства.

Коляска въ которой ѣхала Ихъ Величества двигалась медленно по улицамъ густо усыпаннымъ пескомъ, провожаемая громкими кликами народа, который толпился на тротуарахъ за линіей войскъ. Когда коляска повернула въ улицу Unter der Linden, съ королевской Площади, гдѣ была поставлена батарея, послѣдовалъ салютъ во сто одинъ выстрѣлъ.

Особенно восторженные клики раздались когда коляска остановилась у дома Русскаго Посольства и Оба Монарха вышли изъ нея.

Русскій Императоръ, величественная фигура котораго возбуждала всеобщее удивленіе, оставался нѣсколько времени около входа въ домъ посольства и милостиво раскланивался съ народомъ, продолжавшимъ горячо привѣтствовать его. Вслѣдъ затѣмъ Его Величество въ сопровожденіи императора Вильгельма изволилъ подъ звуки народнаго гимна пройти вдоль фронта почетнаго караула и затѣмъ снова возвратился къ воротамъ посольскаго дома.

Остановившись здѣсь, Монархи смотрѣли прохожденіе войскъ берлинскаго гарнизона. Первымъ шелъ полкъ Императора Александра, за нимъ остальные пѣхотные полки, далѣе гвардейская кавалерія и артиллерія. Когда приблизились саперы, во главѣ ихъ сталъ начальникъ главнаго штаба графъ Вальдерзее и провелъ ихъ мимо Императоровъ. Войска проходили болѣ получаса.

Пока проходили войска, около дома Русскаго посольства собрались графъ Шуваловъ съ супругой, члены Русскаго посольства, генералъ Папе, наслѣдный принцъ Мейнингенскій, генералы и флигель-адъютанты обоихъ Монарховъ и князь Бисмаркъ. Они стали въ обширныхъ сѣняхъ посольскаго дома. Здѣсь же стали у лѣстницы ведущей въ первый этажъ два фельдфебеля полка Императора Александра и два лейбъ-жандарма.

Государь Императоръ, приблизившись къ лѣстницѣ, изволилъ осчастливить ихъ, сказавъ каждому изъ нихъ нѣсколько словъ. Оба Монарха, предшествуемые графомъ Шуваловымъ, поднялись по лѣстницѣ, гдѣ на каждой ступенькѣ стояли лакеи въ богатыхъ парадныхъ ливреяхъ, въ первый этажъ. Здѣсь въ Бѣлой залѣ былъ накрытъ Высочайшій столъ. Вслѣдъ за Монархами шли Его Высочество Великій Князь Георгій Александровичъ съ принцемъ Альбрехтомъ, принцъ Фридрихъ-Леопольдъ, графиня Шувалова съ дочерью, баронессой Кнорингъ, всѣ члены Русскаго посольства, во главѣ которыхъ шелъ графъ Муравьевъ, свита Монарховъ и лица назначенныя состоятъ при Государѣ Императорѣ.

Когда Монархи вступили въ Красную залу, полкъ Императора Александра прибылъ снова къ дому Русскаго посольства чтобъ оставить здѣсь свои знамена на время пребыванія въ Берлинѣ Августѣйшаго Шефа. Когда оба Монарха приблизились къ окну чтобы видѣть церемонію внесенія знаменъ, публика наполнявшая улицу предъ домомъ привѣтствовала Монарховъ новыми восторженными кликами *ура*".

Завтракъ былъ поданъ въ Бѣлой залѣ. Кромѣ императора Вильгельма и принцевъ, графомъ Шуваловымъ къ этому завтраку никто не былъ приглашенъ. Столъ былъ накрытъ на тридцать приборовъ. За завтракомъ посолъ поднялъ бокалъ и привѣтствовалъ своего Монарха съ прибытіемъ въ Берлинъ. Тостъ графа Шувалова былъ покрытъ оркестромъ который заигралъ *Боже Царя храни.* Тотчасъ вслѣдъ за этимъ Государь Императоръ провозгласилъ на французскомъ языкѣ тостъ за здоровье императора Вильгельма.

Такъ какъ Государь Императоръ посѣтилъ императора Германскаго не въ Потсдамѣ, а въ Берлинѣ, то уже заранѣе было извѣстно что Русскій Императоръ остановится въ „своемъ" домѣ, то-есть домѣ Русскаго посольства, пріобрѣтенномъ еще покойнымъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Русскіе Монархи въ Берлинѣ никогда не останавливались въ другомъ дворцѣ кромѣ собственнаго. Домъ этотъ, несмотря на многочисленныя и роскошныя постройки возведенныя въ Берлинѣ въ послѣдніе года, считается однимъ изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ домовъ Берлина. Нижній